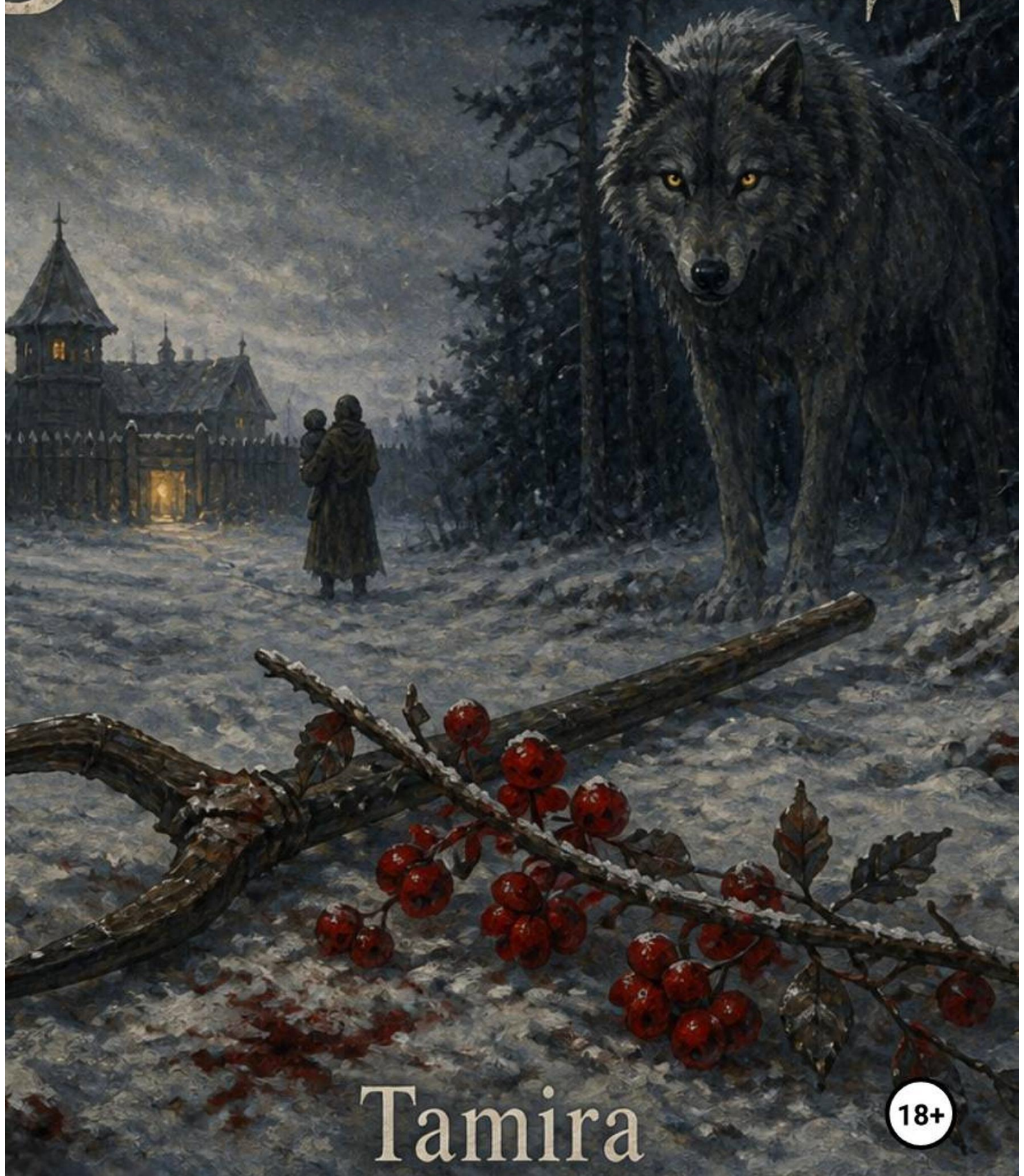


Волчья ягода



Tamira

18+

Тамира .

Волчья ягода

«Автор»

2026

. Т.

Волчья ягода / Т. . — «Автор», 2026

В заснеженной усадьбе Вяземских, где воздух пропитан запахом пороха и сбитня, граф Илья Андреевич готовится к большой охоте. Для него это не просто развлечение, а способ утвердить свою власть над лесом и судьбой. Но в этот раз лес отвечает иначе. После убийства волчицы и пленения её волчат на усадьбу обрушивается древняя, неумолимая сила — стая во главе с седым вожаком. Начинается осада, где на кону не только жизни людей, но и сама суть отношений между человеком и природой. Это история о гордыне и смирении, о цене власти и о том, как легко человек может оказаться не охотником, а дичью. В центре повествования — семья Вяземских: суровый граф, его молодая жена Елена, для которой охота стала кошмаром, и маленький сын, невинный свидетель столкновения двух миров. Смогут ли люди услышать язык леса, чтобы выжить? И какую цену придётся заплатить за право называться хозяином?

© . Т., 2026

© Автор, 2026

Тамира .

Волчья ягода

Глава 1. «Кровь на первом снегу»

Усадьба Вяземских пробуждалась не по-божески — не с первыми петухами, а много раньше, когда даже ноябрьская мгла еще цеплялась сухим льдом за слюдяные оконца господского дома. Пробуждалась она от лязга железа, надсадного кашля простуженных псарей и того особого, ни с чем не сравнимого звона, который издает дорогая сталь, соприкоснувшаяся с точильным камнем.

В людской чадили жировые плошки, и в их неверном, коптящем свете фигура графа Ильи Андреевича Вяземского казалась вырубленной из единого куска мореного дуба. Он стоял посреди горницы в исподней рубаше, широко расставив ноги в вязаных чулках, и с видимым удовольствием вдыхал густую смесь запахов: кислой овчины от полушубков егерей, терпкого конского пота, доносившегося со двора, и тонкого аромата гвоздичного масла, которым смазывали замки фузей.

— Живей, Фрол, живей! — голос графа был хрипловат со сна, но в нем уже звенела та нетерпеливая нота, что предшествует хорошей драке или попойке. — Не к теще на блины собираемся. Фитили гляди, чтоб не отсырели. В прошлый раз у Прошки в стволе пшик вышел, а не выстрел. Чуть рогатиной кабана не пришлось принимать. Засеку его, олуха, коли нынче осрамится.

Старый егерь Фрол, лицо которого напоминало пересохшее русло лесного ручья — всё в морщинах и темных тенях от пережитых зим, — степенно раздувал трут в рожке. На слова барина он лишь повел косматой бровью, не удостоив Прошку, трясущегося от страха в углу, даже взглядом. Фрол знал: когда в графе Илье Андреевиче загорается этот охотничий огонь, перечить или суетиться — себе дороже. Надобно просто делать дело споро и молча, как лесной дух.

Граф прошел к поставцу, где на серебряном подносе уже дымились кружки с горячим сбитнем. Пряное варево обжигало губы, но именно эта обжигающая сладость с перцем и медом и была истинным вкусом начала зимней потехи. Илья Андреевич сделал глоток, другой, и взгляд его упал на шкуру, распятую на стене горницы для просушки. Это была псовина огромного волка-одиноца, добытого им собственноручно в прошлом сезоне. Меха уже «дошел», серебрился на загровке благородной сединой. Граф провел по нему рукой, сминая жестковатый остовой волос.

— Гляди, Елена, — бросил он через плечо, заметив краем глаза жену, тихо, словно мышь, вошедшую в горницу. — Чем не одеяло? Зверь-то какой был. Силен, бестия. Думал, лошадь подо мной порвет. Ан нет. Умом зверь не вышел. Бог ему страх дал, а нам, дворянам, руку и разумение.

Елена Петровна, графиня Вяземская, остановилась у притолоки, кутаясь в пуховый платок. Ей было двадцать три, и из них только три года она носила тяжелый венец замужней барыни. Выходила она за Илью Андреевича по твердой воле покойного батюшки, который в этом степном, жилистом вдовце с горячим взором углядел выгодную партию и защиту для дочери. Защищал граф хорошо — усадьба крепкая, амбары ломаются, дворня вышколена. Но были в этой защите и свои страхи. Главный из них — охота. Не та охота, когда мужики с рогатинами на шатуна идут от нужды, спасая деревню, а эта — барская, шумная, с пороховой гарью и ревом зверя, загоняемого ради забавы.

Она посмотрела на волчью шкуру. От взгляда пустых, зашитых суровой ниткой глазниц веяло могильным холодом, куда более лютым, чем от ноябрьского ветра за окном.

— Доброе утро, Илья Андреевич, — тихо проговорила она, стараясь не смотреть на мужа, который уже начал облачаться в подбитый мехом куний кафтан. — Благослови вас Господь на промысел.

— И тебе не хворать, матушка, — отозвался граф, затягивая кушак так, что хрустнула дорогая ткань. — Сына береги. Мишеньку не пускай со двора, ветер нынче с гнильцой, студёный. Да вели ключнице к моему возврату пирог с вязигой готовить, да чтоб не пересолила, как в прошлый раз. Охоту с дурным желудком не справишь.

О сыне он упомянул вскользь, почти механически, как о всяком прочем имуществе в доме. Мысли его были уже там — за частоколом усадьбы, в припорошенном первой порошей лесу, где сейчас, по донесениям деревенских мужиков, шалила крупная волчья стая.

Во дворе творился суший ад, преисподняя, переложённая на русский лад с собачьим лаем. Свора борзых и гончих, почуяв сборы, заходила в истерику. Псы метались на привязях, захлебываясь лаем и визгом, путаясь в ремнях. Выжлятники орали друг на друга, на собак, на лошадей, размахивая арапниками. Воздух был густым от пара, вырывавшегося из десятков глоток — и человеческих, и звериных, и конских. На круп лошади графа, серого в яблоках жеребца по кличке Вихрь, слуги набрасывали расшитую серебром попону.

Илья Андреевич вышел на высокое резное крыльцо, и гомон на мгновение стих. Только собаки продолжали рваться с цепей, да ветер шевелил редкие снежинки, лениво падающие с низкого, цвета свинцового сурика, неба. Граф оглядел свое воинство. Полтора десятка мужиков, вооруженных кто рогатиной, кто пищалью с раструбом, кто просто тяжелым бердышом на длинном древке — для добывания подранков или защиты от наседающего зверя.

— Ну, православные, — голос графа полетел над двором, звонкий и властный. — Потешим душу! Лес нынче полон серого разбойника. Покажем ему, чья земля, чей лес и чья воля! Зверя не жалеть. Патронов, пороху довольно. Кто мне нынче матерого самца выставит — тому рубль серебром и штоф государевой водки из моих погребов!

Мужики одобрительно загудели. Рубль серебром — деньги немалые, можно корову сплавить или новую соху купить. Но в глазах старика Фрола, который уже сидел на своей низкорослой мохноногой кобылке, не было алчного блеска. Он смотрел на кромку леса, темнеющую в версте от усадьбы, и лицо его было непроницаемо.

Елена Петровна, стоя у окна своей светелки, видела, как кавалькада всадников и пеших загонщиков с гиканьем и свистом вытекла за ворота, оставив после себя лишь истоптанный, смешанный с грязью снег да ворону, которая, каркнув напоследок, снялась с конька крыши и полетела следом за людьми. Она перекрестилась, но не на иконы в красном углу, а в ту сторону, куда ушел муж — на темный, насупившийся лес. Ей казалось, что лес смотрит на них в ответ тысячами невидимых глаз.

Глава 2. «Язык, которого мы не слышим»

Лес встретил охотников неласково. Стоило кавалькаде углубиться в вековой ельник, как утренний жидкий свет, сочившийся сквозь низкие облака, истаял вовсе, сменившись зеленоватым сумраком, каким он бывает только в ноябрьском лесу, когда снега выпало еще с вершок, а небо висит над самыми макушками деревьев, словно мокрое рядно. Снег здесь был не такой, как во дворе усадьбы — истоптанный и смешанный с грязью. Здесь он лежал девственно чистым свитком, и на этом свитке природа уже успела начертать свою летопись.

Граф Илья Андреевич ехал первым, чуть пригнувшись к холке Вихря, чтобы не задеть головой тяжелую, отягощенную снегом еловую лапу. Он жадно вглядывался в белую пелену под копытами коня. Там, пересекая заячьи петли и ровные строчки лисьих следов, тянулась цепочка следов иных — крупных, уверенных, почти с мужскую ладонь размером. Волчьи.

— Вот они, голубчики, — почти пропел граф, и в голосе его прорезалась та самая интонация, с какой скупец перебирает золото в подвале. — Гляди, Фрол, свежие. Ночью прошли. Целая орава.

Старый егерь, кряхтя, слез с кобылы и, не обращая внимания на нетерпеливое фырканье барина, тяжело опустился на корточки прямо в снег. Он не просто смотрел на след. Он читал его, как дьяк читает Псалтырь, водя пальцем по строчкам. Кончиками заскорузлых пальцев он ощупал оплывший край отпечатка, скovyрнул ногтем ледяную корочку, понюхал воздух, а потом, к вящему неудовольствию графа, и самый снег, словно пытаясь уловить оставленный зверем запах.

— Ну? — поторопил Илья Андреевич, сдерживая Вихря, который нервно перебирал ногами, чуя волчий дух. — Чего высидел? Сколь их? Пять? Шесть голов?

Фрол выпрямился не сразу. Он смотрел не под ноги, а вперед, в гущу подлеска, откуда следы уходили в разные стороны, путаясь и пересекаясь самым бестолковым, на первый взгляд, образом.

— Боле, барин, — глухо ответил он, отряхивая снег с колен. — Голов десять, а то и двенадцать. Матерые есть, и прибылые есть. Но ты гляди, Илья Андреич, не туда глядишь. — Фрол ткнул пальцем в сторону особенно четкого, но одинокого следа, уходящего чуть правее основной тропы. — Вишь? Один отбился. Хромает. Заднюю левую волочит.

Граф прищурился, всмотрелся и действительно различил характерную борозду, прочерченную волочащейся лапой рядом с тремя ровными ямками от здоровых ног. Глаза его загорелись охотничьим азартом. Раненый зверь — легкая добыча, желанный трофей для начала охоты. Это как первый глоток вина перед обильным обедом — разжигает аппетит.

— Вот с него и начнем! — решительно заявил граф, натягивая поводья. — Спускай гончих! Подранка живо возьмем, а там и до стаи доберемся. Чего стоишь, старый? Командуй!

Но Фрол не двигался с места. Он стоял, широко расставив ноги в обмотанных онучами лаптях, и смотрел на графа тем взглядом, каким смотрят на неразумное дитя, тянущее руки к горячей печной заслонке. Взгляд этот был полон не дерзости, но тяжелой, нажитой десятилетиями лесной жизни усталой мудрости.

— Не гоже за ним идти, барин, — произнес он тихо, но веско, так что молодые охотники, начавшие было разбирать своры, замерли. — Кружит он нас. На смех поднимает. Не раненый он, волк-то. Притворяется.

— Чего мелешь? — граф нахмурился, и рука его невольно легла на рукоять пищаля, висевшей у седла. — Как это — притворяется? Зверь — он и есть зверь. Тварь бессловесная. Господь ему хитрости не дал, только страх да голод.

— Ан нет, барин, — Фрол покачал головой, и в его голосе зазвучали нотки, неожиданно твердые для простого мужика. — Ему Бог, может, и не дал, да лес дал. Это вожак. Матерый, седой на загривке. Он не хромает, он нас отводит. Там, — егерь махнул рукой в противоположную сторону, в густой овраг, заросший непролазным буреломом, — там матка со щенятами. А он нас за собой уведет, покружит до темноты, да и сгинет, будто не было. Потом вернется к своим, а мы, как дураки, у разбитого корыта.

В толпе охотников прошел нестройный гул. Мужики крестились, кто-то сплюнул через левое плечо, бормоча что-то про «нечистую силу». Для них, выросших на сказках про оборотней и леших, поведение волка, притворяющегося раненым ради спасения стаи, было прямым доказательством вмешательства бесовского. Иначе как зверь, лишенный души и разума, может до такого додуматься?

Граф Илья Андреевич побагровел. Не то чтобы он был суеверен — для суеверий у него имелся полковой священник и запас просвирок в дорожном ларце. Но его раздражало, что какой-то егерь, пусть и опытный, смеет указывать ему, потомственному дворянину, чей род

охотился в этих лесах еще при царе Иване Васильевиче, как надобно понимать повадки зверя. Это было покушение на его, графа, исключительное право знать и решать.

— Ты мне, Фрол, бабьих сказок не рассказывай, — процедил граф сквозь зубы, сдерживая подступающую ярость. — Я не девка на посиделках, чтобы про волков-оборотней слушать. Я — воин. И зверя вижу. Вижу след. Вижу, что хром. И мы его возьмем. А про то, что «кружит», — это ты от старости умом тронулся. У страха глаза велики.

Он уже хотел дать шпоры Вихрю и лично возглавить погоню за «раненым», как вдруг остановился. Что-то кольнуло его изнутри. Не страх, нет. Скорее, профессиональное чутье военного человека. Граф Илья Андреевич, при всей своей барской спеси, был отменным тактиком. Он не раз водил людей в атаку, умел читать местность и предугадывать действия противника. И сейчас, глядя на путаницу следов, он вдруг осознал то, чего не мог выразить словами, но что чувствовал нутром.

Фрол был прав. В том хаосе впечатлений, который они видели, был порядок. Строгий, почти военный порядок. Раненый не уходил в чашу, где его легче добить. Он шел на открытое место, петлял так, чтобы его след был максимально заметен. Он нарочно оставлял метки. Он не убегал, он приглашал за собой.

Илья Андреевич усмехнулся. Усмешка вышла невеселой, с привкусом желчи, но и с проблеском уважения к неведомому противнику.

— Ладно, — бросил он, резко меняя решение. — Хватит галдеть. Слушай мою команду.

Голос его стал сухим и отрывистым, словно он снова командовал полусотней стрельцов на засечной черте.

— Ты, Фрол, и ты, Прошка, возьмете четверых с рогатинами и пойдете по следу хромого. Но не гнать его! Идете тихо, не торопясь. Будете маячить у него на виду, пусть думает, что мы клюнули. А я с остальными возьму правее, зайду к оврагу с подветренной стороны. Ветер, слава Богу, оттуда на нас тянет. Стая нас не учует. Коли там логово, как ты баешь, мы их тепленькими и возьмем. Без шума, без погони. По-военному.

Он обвел взглядом своих людей. В их глазах читалось облегчение. Граф не посрамил своей репутации — он не внял «мужицким предрассудкам», но и не погнал людей в глупую западку. Он проявил высшую мудрость командира: использовал знание противника, не унижая себя признанием его превосходства.

Отряд разделился. Фрол, кряхтя и ворча что-то себе под нос, повел свою маленькую группу по следу хромающего волка. Шли они нарочито шумно, ломая сучья и перекликаясь, словно грибники-неумехи. Илья Андреевич же, спешившись и приказав коноводам держать лошадей на месте, повел остальных в обход. Двигались они цепочкой, след в след, стараясь не шуметь. Снег под лаптями и сапогами мягко поскрипывал, заглушая шаги. Граф шел первым, пригнувшись, с пищалью наизготовку. Фитиль слабо тлел, испуская тонкую струйку едкого дыма, которую ветер тотчас относил в сторону, прочь от оврага.

Чем дальше они углублялись в лес, тем гуще становилась тишина. Она была не мертвой, нет. Она была полна жизни, но жизни скрытой, затаившейся. Вот белка цокнула с ели, осыпав воротник графа снежной пылью. Вот дятел дробно простучал по сухостоине. Но все эти звуки казались приглушенными, словно лес затаил дыхание в ожидании чего-то неотвратимого.

Овраг открылся внезапно. Это была глубокая, заросшая ольшаником и кривыми, перевитыми хмелем березами промоина. На дне ее, под вывороченными корнями упавшей лет сто назад сосны, темнело отверстие. Лаз. Вход в волчье логово.

Граф поднял руку, приказывая своим людям замереть. Сердце его забилося чаще, но это был не азарт погони, а холодное, расчетливое возбуждение стратега, заглянувшего в диспозицию врага. Он видел пар, поднимающийся от земли у входа в нору — теплое дыхание зверей, согревающих друг друга в морозной глубине. Он слышал, как ветер доносит оттуда едва уловимый, сладковато-кислый запах звериной шерсти и молока. Фрол оказался прав на все сто.

Здесь была матка. Здесь были щенки. И здесь, совсем скоро, должен был появиться тот, кто притворялся хромым, чтобы увести беду от своего дома.

Илья Андреевич опустил на одно колено в снег, положил ствол пищаля на развилку ольхового куста и, прищутив левый глаз, навел мушку на темный провал логова. Его губы тронула тонкая, почти незаметная улыбка. Он переиграл зверя. Он понял язык, на котором тот говорил, не опускаясь до мужичьих суеверий, а возвысившись до военного искусства.

Но он еще не знал, что, поняв язык, он лишь прочитал приглашение. А за приглашением, как водится в хорошем доме, должен был последовать обед. Только вот кто на этом обеде будет блюдом, а кто — гостем, лес еще не решил.

Глава 3. «Логово»

Время в засаде тянется не так, как в обычной жизни. Оно не течет ровной рекой, а сворачивается в тугие кольца, словно змея на морозе, замирает, сгущается до звона в ушах. Граф Илья Андреевич, стоя на одном колене в снегу, ощущал этот звон каждой жилой. Снег под коленом сперва охлаждал сквозь сукно штанов, потом переставал чувствоваться вовсе — тело привыкало к холоду, принимало его, как принимает неизбежное.

Пищаль в руках оттягивала плечи. Это была добрая пищаль, московской работы, с латунными насечками на стволе и тяжелым прикладом из карельской березы. Фитиль, вставленный в змеевик замка, тихо шипел, пожирая сам себя с той же неумолимостью, с какой время пожирало короткий ноябрьский день. Граф не сводил глаз с темного провала под корнями. Там, в теплой земляной утробе, скрывалась жизнь, которую он намеревался прервать или пленить — в зависимости от того, как ляжет карта.

Люди его, рассыпавшись полукольцом по склону оврага, замерли каждый на своем месте. Опытные охотники умели ждать. Неопытные — Прошка, например, — умели бояться, но страх приковывал их к месту не хуже дисциплины. Ветер, как и рассчитывал граф, исправно дул от логова в их сторону, донося запахи звериного жилья: сладковатую кислинку молока, смешанную с тяжелым духом мокрой шерсти и чего-то еще — того неуловимого, что отличает жилье хищника от жилья травоядного. Запах этот был не противен, но первобытен. Он будил в человеке что-то древнее, то, что жило в нем задолго до того, как первый князь надел на себя византийские бармы, а первый монах вывел полууставом «Слово о законе и благодати». Это был запах соперничества. Запах войны, в которой нет пленных.

Ждать пришлось недолго. Лес — не театр, и антракты здесь коротки.

Сперва послышался шум. Не со стороны логова, а оттуда, куда ушел Фрол с отвлекающей группой. Там, в отдалении, залаяли собаки — но как-то неуверенно, с надрывом, с подвизгиванием, которое больше походило на жалобу, чем на угрозу. Потом раздался выстрел — глухой, похожий на удар ладонью по пустой бочке, — и крик человека. Крик был коротким, словно его оборвали на середине.

Граф даже не обернулся. Он знал, что там происходит. «Хромой» волк, поняв, что его уловка раскрыта, перестал притворяться и, вероятно, прорвался обратно к логову, наплевав на загонщиков. Фрол и его люди теперь либо гонятся за ним, либо уже перевязывают первого неудачника, попавшего под горячую лапу разъяренного вожака. Это не имело значения. Главное было здесь.

И вот из чащи, с той стороны оврага, куда не доставали ни взгляд, ни пуля, донеслось движение. Не звук даже, а вибрация, которую граф почувствовал скорее нутром, чем ушами. Ветви ельника качнулись, осыпав снежную пыль, и на противоположном склоне оврага, на фоне серого неба, возник силуэт.

Это была волчица.



Она была не так крупна, как тот седой вожак, которого описывал Фрол, но и не мелка. Тело ее, поджарое и мускулистое, несло на себе следы недавнего материнства — отвисшие сосцы темнели на брюхе даже сквозь зимнюю шерсть. Шерсть эта была серой, с рыжеватым подпалом на боках, и сейчас стояла дыбом, отчего волчица казалась вдвое больше своих истинных размеров. Она не кралась, не принюхивалась. Она бежала. Бежала прямо к логову, не разбирая дороги, ломая кусты и взрывая лапами снег. В пасти у нее, безжизненно свесив голову с перекушенным горлом, болтался заяц — последнее, что она успела добыть, прежде чем инстинкт погнал ее обратно к детям.

Она не видела людей. Ветер был на их стороне, и запах пороха, пота и железа до нее не доносился. Она видела только темный лаз под корнями, из которого уже доносился тонкий, требовательный скулеж проголодавшихся волчат. И она спешила. Спешила так, как может спешить только мать, услышавшая зов своего потомства.

Граф выждал. Он дал ей подойти почти к самому входу, дал ей понюхать воздух у лаза, дал ей сделать первый шаг внутрь, чтобы успокоить волчат своим присутствием. И только тогда, когда она, развернувшись в узком проходе, на мгновение замерла, подставив бок, он нажал на спуск.

Замок щелкнул. Фитиль, коснувшись затравочного пороха, вспыхнул с тихим шипением, и через долю мгновения грянул выстрел. Грохот, многократно усиленный тесниной оврага,

прокатился по лесу, вспугивая воронье с верхушек елей. Облако белого порохового дыма, едкого и густого, как туман на болоте, на секунду скрыло от глаз и логово, и волчицу.

Но граф уже понял: промах. Чутье охотника, отточенное годами, подсказало ему это раньше, чем дым рассеялся. Волчица дернулась в последний миг — то ли инстинкт, то ли случайное движение, — и тяжелая свинцовая пуля, пущенная из пищали, вместо того чтобы разворотить ей бок, лишь чиркнула по шерсти, ободрав кожу на ребрах и вырвав клочок меха. Кровь брызнула на снег, но это была кровь царапины, а не смертельной раны.

— Рогатину! — рывкнул граф, отбрасывая бесполезную теперь пищаль и вскакивая на ноги.

Он знал, что перезарядить пищаль времени не будет. Он знал, что раненый зверь, защищающий детенышей, не убежит, а бросится на обидчика. И он знал, что удар должен быть один — точный, смертельный, в сердце или под лопатку, иначе волчица успеет порвать его самого или кого-то из людей.

Прошка, трясущимися руками державший запасную рогатину, сунул ее графу. Это было страшное оружие — тяжелое ратовище длиной в человеческий рост, увенчанное широким, обоюдоострым железным пером с перекладиной, чтобы зверь, насаженный на рогатину, не мог дотянуться до охотника. Илья Андреевич перехватил древко, чувствуя знакомую тяжесть, и шагнул вниз по склону оврага, туда, где уже кипела ярость.

Дым рассеялся, и картина открылась во всей своей первозданной, не признающей полутонов жестокости.

Волчица стояла у входа в логово, загородив его собой. Глаза ее — желтые, с узкими, как лезвия ножей, зрачками — горели тем огнем, который не тушится водой и не гаснет от страха. Шерсть на загривке вздыбилась, превратив ее в подобие демона с древних фресок. Пасть была приоткрыта, обнажая желтоватые, но все еще смертоносные клыки, с которых капала слюна, смешанная с заячьей кровью. Она не рычала. В этом и заключался весь ужас — она молчала. Молчание волчицы было страшнее любого рева, потому что говорило о том, что зверь уже перешагнул грань инстинктивного страха и вошел в холодное, расчетливое бешенство боя.

А из темноты логова, из-за ее напряженных лап, доносился тонкий, пронзительный скулеж. Два волчонка — серых, лобастых, с еще голубыми, не успевшими сменить цвет глазами — тыкались мордочками в задние ноги матери, не понимая, почему она не входит внутрь, почему не кормит, почему так странно пахнет — не молоком и теплом, а кровью и страхом.

Граф сделал шаг. Волчица не отступила. Снег под ее лапами пропитался кровью из царапины на боку, и алые капли, падая на белое, казались чересчур яркими, почти игрушечными, словно ягоды клюквы, рассыпанные нерадивой хозяйкой. Второй шаг. Волчица чуть присела на задние лапы, собирая тело в пружину для броска. Она не убегала. Она не могла убежать — за ней были те, кто не мог убежать сам.

Илья Андреевич не был жестоким человеком в том смысле, в каком жестоки бывают садисты или палачи. Он не испытывал наслаждения от чужой боли. Он просто не считал боль зверя заслуживающей вн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.